

Нуриев Р.

4.10.91

Троцкая Тетяра - 1991 - 4 лет

Балетная «звезда» за дирижерским пультом

По страницам зарубежной печати

Будучи профессиональным «принцем» Рудольф Нуриев умеет держаться с благородством. В этом ему помогают вошедшие в плоть и кровь воспоминания о манерах принцев из «Лебединого озера», «Жизели», «Раймонды» и «Спящей красавицы»; его многочисленные выступления в роли Ромео, Арманда и Гамлета также невольно оживают в памяти, подсказывая этому художавому человеку в шикарном фраке, как с достоинством выдерживать любопытные взгляды толпы.

Даже крошечный пульт представляется ему огромной сценой. Ноги автоматически занимают исходную позицию классического балета. Плавное движение бедер. Плечи сами знают, как без всяких видимых усилий, но в то же время явно нарочито распорядиться и развернуться в нужную сторону.

Но главное — его руки. Они образуют две совершенно круглые

дуги, контролируются вплоть до кончиков пальцев, мягкими, но энергичными движениями, запястий рисуют в воздухе замысловатые арабески: то плавно описывают великолепные круги на уровне плеч, то вдруг начинают нервно подрагивать. И всегда в подходящий момент, всегда деликатно.

Дирижер — новая роль принца для этого русского танцора.

В роли дирижера — и сам Нуриев это отлично понимает — он просто очередной курьез. И как президент какой-нибудь страны, исполняющий народные песни, или премьер-министр, играющий на органе, он вправе рассчитывать в лучшем случае лишь на любопытство публики и критики — злорадное, равнодушное или доброжелательное. До профессионального уровня ему далеко, у него нет дирижерского образования, он любитель в лучшем смысле этого слова.

Да, соответствующего образования у него нет, но быть дирижером ему позволяют два обстоятельства. Расслабившись за обедом в одном из фешенебельных отелей Вены, Нуриев называет их: во-первых, его «прирожденное умение» (под этим, видимо, следует понимать усвоенную им манеру держать себя как принца) и, во-вторых, его «одержимость», энтузиазм, увле-

ченность этим делом.
— Я сделаю это ради себя. Мнение критиков меня действительно не интересует. Я как бульдозер: двигаюсь дальше, ни на что не обращая внимания.

Читать партитуру он умеет, играть на пианино научился («Я играю Баха, правда, медленно, но когда-нибудь, лет через двадцать, буду играть его уверенно»), в долгих и скучных перелетах из одной страны в другую его сопровождают переносная клавиатура и наушники, что позволяет ему упражняться, не мешая соседям. А за несколько недель до дебюта он вместе с руководителем дирижерского класса Венской высшей музыкальной школы отработал технику владения дирижерской палочкой. Нуриева-дирижера, видимо, не пугает тот факт, что он стал новичком в деле, требующем высокой компетентности, с некоторым опозданием:

— Мне 53 года, но я хочу научиться чему-нибудь другому (помимо балета).

Прошло ровно тридцать лет с тех пор, как Рудольф Нуриев неожиданно попал в заголовки мировой прессы. 17 июня 1961 года молодой танцор, восходящая «звезда» Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, решил не

возвращаться в свою страну и попросить политического убежища на Западе.

— Я начал танцевать в 17 лет и уже через три года стал первым солистом труппы, минув работу в кордебалете. Но, по-видимому, во мне была изюминка.

Ее-то и заметила Вера Волкова, первый педагог Нуриева на Западе: «Он — гений, у него раздуваются уголки носа», — рассказывала Волкова английской балерине Марго Фонтейн, которая как раз занималась организацией большого благотворительного концерта. У Нуриева не было денег для поездки в Лондон. Критик Найджел Гослинг из газеты «Обсервер» уговорил редакцию помочь ему.

Великая балерина и известный критик увидели в юноше из Уфы нечто вроде необработанного алмаза. И совместными усилиями отшлифовали его, превратив в бриллиант.

Фонтейн и Гослинг, его самые первые и верные друзья на Западе, уже умерли. Но творение их рук продолжает жить в искусстве. Вплоть до 70-х годов Нуриев был настоящим божеством в балете, получал самые высокие гонорары, вы-

ступал 200 раз в год во всех крупных оперных театрах мира.

Но с 80-х годов балетный мир все откровеннее стал поговаривать о скором уходе Нуриева со сцены. Описывая его танцевальные достижения, вежливые критики говорят «все тот же» Нуриев, а более резкие — «уже не тот».

Нуриев богат, независим, без семьи. И мог бы удалиться на покой. И тем не менее продолжает работать. Потому что не может жить без публики, как наркоман без наркотика? Потому что прекратить выступать для него равнозначно смерти?

— Выступления — это не подарки, которые неожиданно сваливаются на тебя, нужно постараться заполучить их, борясь за них.

Я не жалею. Мне хочется что-то делать. Я так хочу. Не собираюсь упаковывать чемоданы. Надеюсь, меня хватит еще лет на тридцать. Я так хочу, — повторяет Нуриев. — Хочу. Хочу.

И улыбается. Улыбка получается не очень веселой.

Из статьи Зигфрида ЛЕФФЛЕРА в газете «Цайт», Гамбург.

**ИЗДАТЕЛИ ГАЗЕТЫ —
ДИРЕКЦИЯ
И ПРОФСОЮЗНЫЙ
КОМИТЕТ
БОЛЬШОГО ТЕАТРА
СОЮЗА ССР**

Ответственный за номер член Совета общественных редакторов
М. В. КОНДРАТЬЕВА.